

Wiktor Listow

А. С. Пушкин и польское восстание 1830-1831 годов

Acta Polono-Ruthenica 3, 73-80

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Wiktoria Listow
Moskwa

А. С. Пушкин и польское восстание 1830 - 1831 годов

Предлагаемая тема - не новость; она много раз обсуждалась литературоведами, историками, философами. Обычно отношение первого поэта России к одному из самых трагических событий XIX столетия рассматривается в традиционных руслах - идейная направленность стихотворений *Клеветникам России*, *Бородинская годовщина*, *Перед гробницею святой*, полемика с Мицкевичем и Вяземским, подробности биографии Пушкина в начале 30-х годов. При этом все исследователи отмечают явный негативизм Пушкина к восставшим, что по обыкновению радует русских реакционеров и шовинистов, но приводит в смущение демократов и либералов.

Наша задача будет состоять в том, чтобы выйти за пределы обычных осуждений и столь же обычных оправданий. Мы попытаемся - хотя и по-необходимости кратко - понять некоторые воззрения Пушкина на польскую трагедию, обратившись к историческим фактам, не слишком популярным у литературоведов.

К осени 1830 года Пушкин располагал четырёхлетним опытом общения с императором Николаем I. Ещё в сентябре 1826 года монарх принял опального поэта в московском кремле и - после продолжительной беседы - отпустил его окрылённым прекрасными надеждами. Кремлёвская аудиенция густо „обросла” научной литературой, для обзора которой здесь нет места. Отметим только мнение А. А. Ахматовой, разделяемое большинством исследователей: царь обещал Пушкину что-то очень серьёзное¹, по-видимому, некие либеральные реформы, призванные осчастливить страну.

Поэт верит императору и в последующие годы ждёт крупных перемен к лучшему, преобразований „сверху”, если не отменяющих,

¹ А. Ахматова, *О Пушкине. Статьи и заметки*, Москва 1989, с. 29-30.

то по меньшей мере смягчающих крепостное право и произвол чиновничества. В промежутке между ауденцией 1826 года и польским восстанием Пушкин отзывается об императоре с неизменным уважением и обращает к нему апологетические стихи, с разочарованием встречаемые либералами.

Между тем, Николай I, видимо, всерьез становится на путь реформ. Уже 6 декабря 1826 года - от беседы с Пушкиным прошли всего три месяца - император специальным рескриптом, адресованным графу В. П. Кочубею, учреждает секретный комитет, перед которым ставит задачу: реорганизовать весь громоздкий бюрократический аппарат государства российского.² Летом 1829 года функция „Комитета 6 декабря” значительно расширяется; теперь этому учреждению надлежит разработать так называемый „закон о состояниях”, т.е. по-новому определить права и обязанности основных сословий - дворянства, крестьянства, чиновничества, духовенства.³ В состав комитета царь назначает кроме председателя Виктора Кочубея нескольких лиц, хорошо известных русскому обществу - крупного реформатора прежнего царствования М. М. Сперанского, графа Д. Н. Блудова, будущего подавителя польского восстания фельдмаршала И. И. Дибича, графа П. А. Толстого, бывшего министра просвещения А. Н. Голицина, князя И. В. Васильчикова. Секретарские обязанности нередко выполнял помощник Сперанского Модест Корф.⁴

Само существование „Комитета 6 декабря” было глубокой государственной тайной; его участники собирались в петербургском Зимнем дворце без мундиров, в цивильном платье. Когда на заседания приглашались посторонние лица, эксперты, то делался вид, будто происходит просто частная встреча нескольких вельмож, заинтересованных тем или иным вопросом.⁵ Но были ли работы Комитета такой уж страшной тайной для столичного светского об-

² *Сборник Русского исторического общества* (далее - Сб. РИО), т. 74, Санкт-Петербург 1890, с. XV.

³ Т. Г. Архипова, *Секретный комитет 6 декабря 1826 года*, „Труды Московского государственного историко-архивного института”, т. 20, Москва 1965, с. 216.

⁴ *Ibidem*, с. 214-215.

⁵ *Ibidem*, с. 216-217.

щества, для Пушкина? Вряд ли.

В 1830 году Пушкин был лично знаком со всеми названными членами Комитета. А секретарь Корф - просто его лицейский товарищ⁶. В дальнейшем мы увидим, что как раз к началу польского восстания поэт и его близкое окружение были посвящены в суть проектов, выработанных по поручению царя.

Подробный обзор занятий „Комитета 6 декабря” в нашу задачу, конечно, не входит. Отметим только: преобразования начинались широко и смело. С разрешения императора члены Комитета рассматривали не только неосуществленные либеральные проекты времён Екатерины II и Александры I, но даже реформаторские идеи, извлеченные из следственных показаний декабристов Г. С. Батенькова, А. А. Бестужева, П. Г. Каховского, Г. А. Перетца, В. Штенгеля⁷. Отметим попутно: если бы царю понравилась записка самого Пушкина *О народном воспитании*, то и она была бы, вероятно, приобщена к делам Комитета, имеющим отношение к реформе министерства просвещения.

В заседаниях и документах Комитета слово „Польша” звучало очень часто; это нетрудно понять. Ведь Польша не только географически, но и социально находится между Россией и Западной Европой. Конечно, на польском троне сидит русский царь; но ведь и сейм при нём существует. Конечно, у польского крестьянина масса проблем, но ведь уже два десятилетия он не крепостной, лично свободный. Польша по сути дела является развитой колонией слаборазвитой страны; поэтому в какой-то мере указывает путь её реформам.

К весне 1830 года секретный „Комитет 6 декабря” в главных направлениях завершил свои работы. Более трёх лет усиленных занятий дали результаты. Комитетские проекты отличались неслыханной для России смелостью. Например, в обновляемом Государственном Совете угадывалась возможная верхняя палата будущего российского парламента. Были идеи децентрализации власти, отмены многих чиновничьих привилегий; так, сильно сокращались

⁶ Л. А. Черейский, *Пушкин и его окружение*, Ленинград 1975, с. 199 (Кочубей), 395 (Сперанский), 38 (Блудов), 131 (Дибич), 414 (Толстой), 100 (Голицин), 58 (Васильчиков), 197 (Корф).

⁷ Т. Г. Архипова, *op. cit.*, с. 212.

возможности получения дворянства через выслугу лет в казённом учреждении. Заведённая ещё Петром Великим „Табель о рангах” постепенно уходила в прошлое; не чин, а реально исполняемая должность определяла бы место служащего в государственной системе.

Столь же ошеломляющими выглядели и социальные новации. В проекте закона „О состоянии” был специальный раздел „О непродаже личной крепостных людей” - запрещалось торговать крестьянами без земли; расплачиваться „живыми душами” при сделках; разлучать близких родственников. Помещики не могли бы более дробить свои имения на мелкие части при продажах и вступлениях в наследство⁸.

Эти и другие подготовленные преобразования прекрасно доказывали, что император действительно был заинтересован в реформах, и его кремлёвские обещания поэту исполнялись. Пушкину в особенности близки были меры ограничения чиновничества; аристократическая неприязнь поэта к бюрократии хорошо известна. Тут он следовал за олигархическими идеями М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина. Благодетельными казались Пушкину и акты, направленные против дробления имений, на создания майоратов. Это найдёт отклик в *Романе в письмах*, в *Езерском*, в *Истории Петра* и *Катитанской дочке*.

Ключевым для нашей темы служит московское письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 16 марта 1830 года. Оно во-первых доказывает, что Пушкин хорошо знал о движении дел в секретном „Комитете 6 декабря”. А во-вторых в нём содержится оценка подготовленных реформ.

„Государь, - пишет Пушкин, - уезжая оставил в Москве проект новой организации, контр-революции Революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле Европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных - вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу”⁹.

⁸ Ibidem, s. 231-234.

⁹ А. С. Пушкин, *Письма. В 2-х томах*, т. 2, Москва - Ленинград 1928, s. 77.

В немногих строках тут высказано очень многое. За несколько месяцев до Июльской революции во Франции и восстания в Польше Пушкин полон надежд; его эйфория простирается так далеко, что обсуждаемые государственные преобразования он называет „великими предметами” и даже готов открыто поддерживать правительство пером публициста.

В июне 1830 года Пушкин всё ещё в Москве; он ловит слухи из Петербурга, где Государственный Совет четыре раза собирается на чрезвычайные заседания - обсуждать реформы.¹⁰ В сентябре, следуя из Москвы в Болдино, Пушкин ещё не знает окончательных результатов прохождения проектов. Но общее направление дел, общий курс „державного корабля” - кажутся ему несомненно правильными.

В дни болдинской осени 1830 года Пушкин не подозревает, что судьба реформ решается не в Петербурге, а в Варшаве. Причем - дважды в Варшаве.

Ещё до обсуждения проектов в Государственном Совете император послал их тексты в Варшаву - своему брату, великому князю Константину Павловичу. Для Николая I это обычный ход: старший брат, имевший больше прав на русский престол, служит наместником в Польше. И постоянно участвует в решении коренных, принципиально важных вопросов. Ответная записка Константина от 15 (27) июня 1830 года - просто погребальный звон по реформам. Августейший брат не особенно утруждает себя аргументами; он просто напоминает, что сила державных установлений состоит прежде всего в древности оных. А потому ничего и не следует поспешно менять ни в фасаде, ни тем более в фундаменте государственного здания. Он, Константин, против. Против всех „великих предметов”, так вдохновивших Пушкина. Пусть всё останется в прежнем виде - бесправие мужиков и всевластие чиновников, неповоротливость присутственных мест и угасание родовой аристократии.¹¹

Военно-бюрократической прозорливости великого князя надо отдать должное. Ещё не построены баррикады в Париже, ещё не

¹⁰ Т. Г. Архипова, *op. cit.*, s. 236.

¹¹ Сб. РИО, т. 90, s. 467-479.

восстали патриоты в Варшаве, ещё холерная эпидемия не захватила Москву и Петербург, а наместник уже чувствует опасность: сейчас не время для реформ; оставим всё как есть; не будем искушать судьбу... И Николай I, неуверенный реформатор, уже готов поддаться советам старшего брата.

О мнении, поданом Константином Павловичем, Пушкин, видимо, так никогда и не узнал. С опозданием доходят до него и вести о польском восстании - в ноябре 1830 года поэт в Болдине и отделён от всего мира холерными карантинами; идёт знаменитая болдинская осень. Потом он узнает подробности штурма Бельведера, отступления войск, верных императору, за Вислу и Буг - словом, все известные акты трагедии.

Первую реакцию Пушкина на сообщения из Польши понять, кажется, нетрудно: а как же реформа? Ведь всего несколько недель тому назад он, Пушкин, уезжал из Москвы в спокойной уверенности: всё хорошо, государь вот-вот подпишет или даже уже подписал „проект новой организации”; Россия - на верном пути к отмене крепостничества, к торжеству законов... И вот - Польша. Варшавские офицеры и студенты грозят в одно мгновение обрушить „великие предметы”; страна вновь - едва ли теперь не навсегда - погрузится в рабство, в канцелярское прозябание.

И Пушкиным овладевает мощная, безумная идея: надо как можно скорее подавить поляков, привести их к повиновению короне. Только тогда, ему кажется, ещё можно будет спасти реформы. И тем облагодетельствовать миллионы людей „от финских хладных скал до пламенной Колхиды”. Вернувшись из Болдина в Москву, Пушкин с ужасом следит за развитием польской драмы, едва не сходит с ума от лавины противоречивых, непредсказуемых событий.

9 декабря во французском письме Элизе Хитрово поэт пробует объяснить своё самочувствие: „Что за год, что за события! Известие о Польском восстании меня совершенно перевернуло... Начинаящаяся война будет войной до истребления - или по крайней мере должна быть такою... Всё это меня очень печалит. Россия нуждается в покое...”¹²

Письмо к Хитрово приводилось множество раз. Но никто, ка-

¹² А. С. Пушкин, *Переписка*, т. 2, с. 121-122 (подлинник по-французски).

жется, не отметил, что его „польский сюжет” кончается этим признанием: Россия нуждается в покое. Только мир, только ровное течение жизни могут дать начало реформам, освободительному направлению исторического пути. Прав Пушкин или нет, но в этом - основа его отношения к польским патриотам 1830 года.

„Что за год, что за события!” Священное безумие, допустим, привилегия поэта. Но вот великий князь Константин - совсем не поэт; он жесткий администратор, много лет просидевший русским наместником в Варшаве. Противник реформ, реакционер, полный антипод Пушкина; известно много презрительных высказываний князя о поэте. Как же ведёт себя Константин? Не менее странно, чем Пушкин.

Изгнанный из Варшавы, Константин следит за военными действиями на русско-польском фронте. И симпатизирует своим вчерашним подданным - полякам! Он кричит „браво!”, когда польские уланы побеждают русскую кавалерию. Под окнами усмирителя восставших фельдмаршала Дибича Константин напевает „Еще Польская не сгинела”. Фельдмаршала это раздражает, и он просит царя отозвать Константина в Петербург. Почему так? Вероятно потому, что князь любит свою жену-польку и считает поляков как бы своими детьми. Но вот по дороге в Петербург Константин в Витебске умирает от холеры.¹³ Всё-таки перед смертью он может быть совершенно спокоен: теперь, после восстания поляков, брат Николай никогда больше не согласится на эти реформы, не подпишет манифест „О правах сословий”.

Вот так польское восстание „перевернуло” русских. Дальнейшее - известно. Варшавские патриоты героически сражались, но потерпели поражение. Вместе с ними, но отчасти и благодаря им, потерпел поражение и русский либерализм. События 1830 года на тридцать лет задержали российскую эволюцию к реформам, к свободе. Пушкин четверть века не дожил до падения крепостного права.

Николай I после польских дел совершенно потерял вкус к преобразованиям, и „Комитет 6 декабря” тихо угас в 1832 году, не ос-

¹³ А. Рамбо, *Королевство Польское. Восстание*, [w:] *История XIX века.*, под ред. Лависса, Рамбо, перевод с французс., т. 3, Москва 1938, s. 300.

тавив следов на исторической поверхности.¹⁴ Сегодня материалы Комитета хранятся в архивной пыли и никого кроме узких специалистов-государствоведов не волнуют. Между тем, без этих материалов трудно понять и „антипольскую” позицию Пушкина, и вообще смысл рубежного, по-шекспировски трагического 1830 года.

В начале нашего доклада мы упоминали о полемике Пушкина и Вяземского вокруг Польши. Здесь уже нет места для её разбора. Сама по себе эта полемика исключительно показательна. К сожалению, её упрощают и в России, и в Польше: говорят, что Пушкин был за русских против поляков, а Вяземский за поляков против русских. На самом деле вопрос стоит не так, не в этой плоскости.

Ещё полтора столетия назад в полемике Вяземского и Пушкина была названа и сформулирована проблема, не решенная и в нашем веке - проблема народа, угнетаемого империей. Должен ли народ постепенно и бескровно двигаться к свободе через мирную имперскую реформу? Или он должен с оружием в руках выходить на кровавый бой с империей, даже готовой поступиться частью своего владычества, готовой к реформам?

Спор об этом как бы пронзает толщу двух веков русской истории. В другое время, в других исторических костюмах ту же полемику вели, например, Ленин и Плеханов. Шёл 1914 год, и Ленин, подобно Вяземскому, желал поражения „своей” российской империи, своего правительства. В речах Плеханова слышались отголоски другой, пушкинской традиции: если моя страна войну проиграет, то она будет отброшена далеко назад - назад от свободы, прогресса, счастья. Так ведь и вышло.

Огонь этого спора всё не угасает. И наш двадцатый век всё подливает в него масла, всё питает ненависть, нетерпимость. Но остаются с нами великие поэты - Мицкевич, Пушкин. Вот - счастье...

¹⁴ Т. Г. Архипова, *op. cit.*, s. 213.